

УДК 316.2:6

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ

С.С. Бурухин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.3.130

Рассматриваются актуальные политико-правовые условия социальной эффективности. Для емкости понимания проблемы автор обращается к ключевым теориям власти: власть и насилие (Х. Арндт), власть и социальное действие (Э. Гидденс, Н. Луман), власть и дискурс (Т. ван Дейк, В.Г. Ледяев). Взятые вместе, теоретические выкладки мыслителей позволяют высветить две тенденции. С одной стороны, они выявляют потенциал традиционного осуществления власти, т. е. управления посредством социальных институтов и правовых норм. С другой стороны, они помогают высветить новые, актуальные условия достижения политико-правовой эффективности. Сделан вывод о том, что приоритетными ценностно-нормативными основаниями современного политического дискурса являются: легитимность, согласование интересов, публичность, интерактивность и самоответственность всех участников коммуникаций.

Ключевые слова: *социальная эффективность, политико-правовая сфера, ценность, дискурс.*

Социальная эффективность – результат сбалансированных конфигураций социальных практик, действующих в экономической, образовательной, политической и правовой сферах жизнедеятельности человека. Среди показателей общественного развития (экономический рост, политические права, экологическая устойчивость, личная безопасность и др.) социальная эффективность является важной характеристикой, так как демонстрирует не только уровень удовлетворения базовых потребностей человека, но и степень гарантий расширения социальных возможностей. В данной статье фокусируется внимание на политико-правовых условиях достижения социальной эффективности, в частности, на ее ценностно-нормативных основаниях.

Выявление политико-правовых условий достижения социальной эффективности резонно начинать с интерпретации категории власти. Круг современных интерпретаций власти, разумеется, огромен. Однако при внимательном рассмотрении видна отчетливая тематизация проблематики в нескольких контекстах: власть и насилие; власть и социальное действие; власть и дискурс. Взятые во взаимосвязи, эти характеристики могут помочь подчеркнуть надобность традиционных критериев эффективности политико-правовой сферы, а также обосновать новые ценности.

Власть и насилие

Емкое сопоставление власти и насилия было осуществлено американским теоретиком Х. Арендт. В начале своего очерка политической теории «О насилии» (1968) она улавливает устойчивую тенденцию: в рассуждениях исследователей власть выступает исключительно в категориях повеления и повиновения. В видении Арендт, труд, свобода, ответственность – все это экзистенциальные состояния человека, которые по-особому проявляют себя в публично-политическом пространстве. Вся жизнь человека соткана из разных сфер его деятельности и общения – экономической, политической, образовательной, моральной, правовой, личностной, каждая из которых несет свою ценностно-смысловую нагрузку. Публично-политическая сфера, в замыслах Арендт, есть область особого рода деятельности и общения людей. Особенность эта заключается в том, что здесь каждый человек проявляет себя как свободное существо, обнаруживающее себя в совместном существовании с «другим». Вскрывая тем самым онтологическую природу власти, Арендт, во-первых, утверждает, что власть предшествует насилию, во-вторых, переносит ее смысловую значимость в публично-политическое пространство. «Власть никогда не бывает принадлежностью индивида, она всегда принадлежит группе и существует лишь до тех пор, пока эта группа держится вместе», – пишет она [1, с. 26]. С исчезновением носителей власти исчезает и сама власть.

С помощью многочисленных рассуждений и примеров Арендт доказывает, что сильная власть обращается к насилию исключительно в краткосрочных целях: «Предельная форма власти – это “все против одного”, предельная форма насилия – это “один против всех”» [1, с. 25]. Рациональной целью власти является организация совместного действия, целью же насилия является устрашение и подавление. Насилие, по мнению Арендт, носит инструментальный характер и может быть рациональным лишь в той степени, в какой оно эффективно для достижения цели, которая его оправдывает. «А поскольку, когда мы действуем, мы никогда не знаем сколько-нибудь достоверно итоговых последствий того, что мы делаем, то насилие может оставаться рациональным лишь в том случае, если преследует краткосрочные цели. Насилие не является двигателем ни истории, ни революции, ни прогресса, ни реакции; но оно может способствовать обнажению недовольства и привлечь к нему общественное внимание», – рассуждает Арендт [1, с. 44].

Власть всегда нуждается в легитимации, насилие – никогда. «Власть возникает всякий раз, когда люди собираются вместе и действуют согласованно, но свою легитимность она черпает из самого первоначального собирания людей вместе, а не из какого-либо действия, которое может затем последовать. Когда легитимность оказывается поставлена под сомнение, то она защищается, апеллируя к прошлому, тогда как оправдание ссылается на цели, лежащие в будущем. Насилие

может быть оправданным, но никогда не будет легитимным» – так выглядит часто цитируемый исследователями тезис Арендт [1, с. 30]. Правление с помощью чистого насилия начинается тогда, когда рациональная составляющая власти ослабевает. Замена власти насилием, как показывают многочисленные примеры истории, может принести победу. Однако цена этой победы окажется очень высокой, поскольку за такой результат расплачиваются не только побежденные, но и сам победитель – своей собственной властью.

В коллективном насилии Арендт отмечает самые опасно-привлекательные черты. Толпа психологически придает человеку чувство безопасности. Индивид попадает под наркотические чары «практики насилия, которая связывает людей воедино, поскольку каждый индивид образует звено в великой цепи насилия, образует один из членов огромного организма насилия» [1, с. 38]. В результате смещается ось ценностных представлений: первой исчезает такая важная ценность, как индивидуализм. Участвовавшие санкции могут принять форму скрытого принуждения, что приведет к утрате «способности к творчеству», к утрате «самости, которая конституирует личность» [2, с. 148].

В наследии Арендт важен ее гуманистический посыл. Она верит во власть со здравым смыслом. Несмотря на все ужасы Второй мировой войны и угрожающе военизированное противостояние «холодной» войны, Арендт верит, что современная ей власть способна овладеть здравым смыслом. Это может произойти в том случае, если власть будет олицетворять и координировать сообщество «говорящих» и «слушающих», а не «приказывающих» и «подчиняющихся». Подобный акцент на свободную коммуникацию отчасти сближает политическую философию Арендт с теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса. У обоих мыслителей политическое пространство – это сфера переговоров и договоров, область коммуникативного действия; это публичное пространство для реализации интересов субъектов власти и всего населения. Каждый участник согласованного действия проявляет заинтересованность. Интерес всегда носит разговорный и аргументированный характер. Вот почему власть – это прежде всего аргументированное говорение и слушание. Арендт считает, что «всякое уменьшение власти – это открытое приглашение к насилию, хотя бы потому, что те, кто обладает властью и чувствует, как она выскальзывает у них из рук, будь то правительство или будь то управляемые, всегда с трудом противились искушению заменить ускользающую власть насилием» [1, с. 48].

Власть и социальное действие

Социальное действие, как совместное и рефлексивное, лежит в основе власти. Такие рассуждения разделяют многие теоретики. В воззрениях английского теоретика Э. Гидденса находим наиболее обстоятельное изложение вопроса. Гидденс соглашается, что власть есть источник ограничения и принуждения. Однако власть как социальное дей-

ствие является не только средством ограничения, но и средством созидания [3, с. 254]. Ограничивающие аспекты власти теоретик представляет в виде разнообразных санкций с широким диапазоном: от прямого применения силы до мягкого и снисходительного выражения неодобрения. Под санкциями подразумеваются самые разные регуляторы социального взаимодействия: нормы, законы, правила, установления и т. д. В цивилизованном обществе санкции редко принимают открытый характер, и даже если принимают, то ненадолго (здесь, как видим, рассуждения Гидденса переплетаются со взглядами Арендт, которая считала, что насилие носит инструментальный и кратковременный характер. – С.Б.). «Еще раз подчеркнем тот факт, что все структуральные свойства социальных систем как ограничивают, так и создают возможности для деятельности», – пишет Гидденс [3, с. 258]. Санкции, независимо от их строгости и масштабов распространения, предполагают определенное согласие со стороны подчиненных людей. Согласие достигается не за счет страха и принуждения, а в силу соблюдения легитимных норм, за счет рефлексивности сообщества в целом и каждого участника социального действия – таков главный вывод Гидденса.

Сегодня теряют актуальность теории, связывающие власть с конфликтом, расколом и расхождением интересов различных классов. Не пренебрегая, разумеется, ограничивающими свойствами власти, Гидденс в своей теории структурирования конструирует понятие рефлексивной власти: «Существование власти предполагает наличие властных структур или структур господства, посредством которых власть, плавно втекающая в процессы социального воспроизводства (и остающаяся “незамеченной”), функционирует и оказывает свое воздействие. Таким образом, эскалацию насилия или ее угрозу нельзя считать типичными примерами использования власти» [3, с. 355]. Как видим, Гидденс противопоставляет насилие таким ресурсам использования власти, как координация и рефлексивная перенастройка.

Немецкий теоретик Н. Луман рассматривает власть как коммуникативный код политической системы общества. Очерчивая свою позицию, Луман пишет: «Именно поэтому власть может быть понята только как символически генерализованное коммуникативное средство» [6, с. 25]. Одной из главных задач власти видится согласование интересов, или «селективное согласование», в терминологии самого Лумана. Все социальные системы конфликтны, они «работают» как череда конфликтов и консенсусов. Поэтому задача власти состоит в том, чтобы минимизировать степень актуализации конфликтного потенциала общества и усиливать потенциал консенсуса. Как осуществляется селективное согласование? Для Лумана основными способами осуществления власти являются язык, мотивация и ориентация на «другого». Он так описывает взаимосвязь этих способов: «Лишь в том случае, когда количество благ оказывается ограниченным, вмешательство одного

действующего лица становится проблемой для другого, и именно эта ситуация регулируется затем с помощью коммуникативного средства, переводящего селекцию действий одного партнера в сопереживание другого и делающего его, таким образом, более приемлемым для последнего» [6, с. 26]. Если все эти условия совпадают, т. е. найден общий язык, схожая мотивация и чувствуется ориентация на партнера, тогда можно говорить о позитивной тональности власти, о так называемой «нормализованной власти» (термин Т. Парсонса. – С.Б.), т. е. правовой, а не корыстной власти [6, с. 31].

Луман считает, что сила власти проявляется тогда, когда она предлагает много возможностей, оставляет для деятельности сообщества веер альтернатив. Как и Гидденс, он считает, что надо отличать власть от принуждения, причем как от прямого, в виде насилия, так и от завуалированного, в виде апелляции к правовым процедурам [6, с. 45]. Власть – это наведение мостов, договор, нейтрализация конфликта интересов; принуждение же – это слом воли подчиненного, лишение его возможности самоопределения. Луман убежден, что вовремя согласованные интересы являются залогом неприменения санкций. «Избежание (возможных и остающихся возможными) санкций для функционирования власти необходимо», – пишет он [6, с. 40].

Особую роль в осуществлении власти Луман справедливо отводит средствам массовой информации. Именно в публичном пространстве, под воздействием медийных структур действие субъектов власти превращается в политическое решение, т. е. в «осознанный селективный выбор». Отсюда вытекает вопрос социальной ответственности за слова и действия. Эффективность политико-правовых действий во многом зависит от степени рефлексивности власти имущего. «Властитель должен относиться к своей власти селективно. Ему следует всякий раз задумываться о том, в какой именно мере необходимо в том или ином случае его вмешательство. Он должен научиться самодисциплине», – рассуждает Луман [6, с. 43]. Особенно это важно в условиях кризиса, когда ситуация запускает много новых процессов, протекающих в форме «чрезмерной власти» или, наоборот, «недостаточной власти». В этих двух крайностях Н. Луману видится «риск потери функциональности, явной неэффективности и распада власти...» [6, с. 130]. Чтобы снизить подобный риск, необходимо определить границы политизируемости власти и достичь баланса между двумя способами применения власти: управленческой и общественной. Первый способ применения власти заключается в традиционном, проверенном временем использовании политически легитимных институтов; второй – в привлечении к власти общественных экспертов, которые, по прямой своей деятельности, должны оставаться вне рамок политической системы (учитель, юрист, ученый, священник, собственник и т. д.) [6, с. 142-143].

Власть и дискурс

Понятие «дискурс» стало сегодня настолько популярным, что во многом потеряло свою специфику. Современный нидерландский теоретик Т. ван Дейк говорит, что сегодня дискурс рассматривается максимально широко: используется в родовом смысле, обозначая тип или жанр коммуникации (политический дискурс, медицинский дискурс); в философском значении (дискурс современности); в политическом контексте (дискурс либерализма); в семиотическом смысле (невербальные выражения, например картины, жесты и др.) [4, с. 131]. В контексте данной статьи дискурс рассматривается как специфическое коммуникативное событие.

Если Арендт вскрывает онтологические основания власти, Гидденс – структуральные, Луман – коммуникативные, то ван Дейк фокусирует внимание на социальной составляющей власти. Как свойство взаимоотношений между группами, классами и личностями власть приобретает значение социальной силы. Об этом свидетельствуют несколько взаимосвязанных между собой факторов: во-первых, власть базируется на социальном действии, понятие которого предполагает когнитивный характер управления; во-вторых, социальное действие осуществляется агентами; действие власти через агентов (чиновники, служащие, учителя, врачи, адвокаты, журналисты, блогеры и др.) выглядит как социальное управление, выраженное в ограничении социальной свободы действий людей и групп для упорядоченности их взаимоотношений. Ван Дейк разделяет понятия «социальная власть» и «дискурсивная власть». Дискурсивная власть является частью социальной власти и оставляет возможность для проявления различных степеней свободы тех, на кого направлена ее реализация.

Социальная власть, в воззрениях ван Дейка, проявляется двояко: как контроль над действиями людей и как контроль над дискурсом, т. е. над коммуникативными действиями людей. Он пишет: «Если контроль связан с интересами тех, кто реализует власть, и направлен против интересов контролируемых, то в этом случае мы можем говорить о *злоупотреблении* властью (курсив самого автора. – С.Б.)» [4, с. 27]. Как и Луман, ван Дейк подмечает, что контроль над дискурсом других людей выражается, как правило, в двух формах: прямой надзор, полный или частичный, и завуалированный, т. е. апеллирующий к соответствию правовых норм и нормативным способам их высказывания.

Российский теоретик В.Г. Ледяев также фокусирует внимание на социальной составляющей власти. В своей книге «Социология власти», представляющей развернутый анализ основных теорий власти, он подчеркивает, что подчинение и легитимация уже не являются центральными темами, что сегодня исследователей более волнует вопрос о координации усилий политических акторов [5, с. 79]. По-прежнему остается эффективной традиционная парадигма, согласно которой

«социальный контроль» («власть над») – это управление с помощью легитимизированных социальных институтов и связей. Но набирает обороты, в силу востребованности, и новая парадигма, согласно которой «социальное производство» («власть для») – это создание и поддержание коалиций, совместная деятельность. На первый взгляд может показаться, что традиционная модель власти «над» уступает место новой модели – власти «для». На самом деле эксперты считают, что обе теории не могут существовать отдельно друг от друга, что они взаимопереплетаются. «Проблема заключается в том, какая из них превалирует в общей конфигурации властных отношений», – пишет Ледяев [5, с. 81]. Результаты эмпирических исследований показывают, что преобладание той или иной модели власти зависит от многих факторов, например: от локации (город или регион), от степени использования административных ресурсов (вертикаль власти или гражданское общество), от открытости политических элит, от их ценностных ориентаций и идеологических предпочтений и т. д.

Современные условия эффективности политико-правовой сферы

Теоретические выкладки исследователей позволяют подтвердить незыблемость важных традиционных оснований власти и очертить новые ценностно-нормативные критерии. Если суммировать рассуждения Арендт о соотношении власти и насилия, то виден целый ряд отличий: по природе – власть предшествует насилию; по цели – власть по своей сути призвана организовывать политическое пространство и координировать общие интересы, насилие же направлено на устрашение и подавление; по праву – власть нуждается в легитимации, насилие никогда не будет легитимным; по средствам – власть использует аргументированное говорение и слушание; насилие – прямое подчинение. При всем неприятии сути насилия Арендт все же признается, что практика такова, что власть может использовать насилие, но только как исключительно временный инструмент.

С точки зрения современных социальных теоретиков, власть есть особое структуральное свойство общественной системы (Гидденс), символически генерализируемое коммуникативное средство (Луман), контроль над доступом в публичный дискурс (Ван Дейк), единство прямого управления и совместной деятельности (Ледяев). Актуальными критериями социальной эффективности политико-правовой сфере видятся легитимность, согласование интересов, публичность, интерактивность и самоответственность.

Политико-правовая эффективность заключается в возможности как можно больших интеракций – свободного высказывания и оппонирования, наблюдения за действиями властных структур и их интерпретации. Открытость власти заключается в том, что люди должны знать о

желаниях, нуждах, интересах, предпочтениях и интенциях субъекта власти. Это возможно реализовать несколькими путями: первый путь – путь прямых коммуникаций в виде таких речевых актов, как команда, просьба, угроза; второй путь – использование культурных норм и ценностей, убеждений и стереотипов; третий путь – демонстрация положительных примеров и тиражирование удачных социальных практик.

Традиционно политико-правовые условия достижения социальной эффективности связывались с богатством и силой. В современном информационно-сетевом обществе ситуация кардинально изменилась: проявление власти резонно истолковывать в терминах особого доступа к публичному дискурсу во всех его семиотических измерениях. «Контроль над публичным дискурсом – это контроль над сознанием аудитории, а значит, косвенно, над тем, что желает или делает аудитория. Тому, кто может убеждать, соблазнять, внушать или манипулировать людьми, не нужно применять силу», – эти часто цитируемые слова ван Дейка трудно переоценить [4, с. 32].

В контексте публичности субъектами власти становятся все те, кто имеют доступ к открытому политическому дискурсу. Помимо политиков, правительства и научных экспертов, таковыми являются программисты, которые создают этот дискурс, и бизнес-менеджеры, которые косвенно управляют этим доступом (например, в качестве владельцев масс-медиа). Коммуникационные каналы власти сегодня достаточно разнообразны: официальные правительственные коммуникации (правительство, силовые и судебные ведомства, официальные аккаунты властей в социальных сетях); международное вещание, финансируемое государством (государственные СМИ, направленные на отечественную и зарубежную аудиторию, и международные социокультурные институты); экономические и общественные ресурсы (глобальная торговля, языковые центры, распространение нарративной, т.е. самостоятельно созданной, информации); использование социальных сетей в качестве информационного воздействия на сознание и действия людей.

Ценностно-нормативными основаниями публичного дискурса выступает процедура согласования интересов всех его участников. При положительном результате властные группы не стремятся (разумеется, под давлением общественного контроля) реализовывать свои личные или корпоративные интересы под прикрытием речей об «общем благе» или о «естественной» системе ценностей, норм и целей. И наоборот, подчиненные группы могут вырабатывать собственные представления о своем социально-экономическом положении (разумеется, при условии соблюдения общепринятых норм и ценностей). Дискурсивный консенсус всегда носит временный характер, он изменяется под воздействием непременно возникающей новой темы или формы искомого всеми согласия. Конфликт среди интересов участников снимается путем разговора, т.е. публичного и обоюдного проговаривания запросов, ожида-

ний, опасений и т. д. Как структурное свойство и особый коммуникативный код власть и ограничивает свободу «другого», и создает новые возможности.

Политический дискурс как коммуникативное действие имеет ряд специфических характеристик, отличающих его от большинства других ресурсов власти. Во-первых, политический дискурс имеет доминирующий доступ в публичное пространство и обращен ко всем гражданам. Во-вторых, сила политического высказывания связана с широким ареалом действия и различными уровнями легитимности. В-третьих, речи государственных и общественных деятелей, например президента или премьер-министра, всегда становятся важным политическим и социальным событием. В-четвертых, политический дискурс имеет специфический язык: представители власти используют набор определенных лексических единиц или концептов, публичные выступления политиков тщательно разрабатываются экспертами, заранее продумывается управление аудиторий, например, аплодисментами или задаваемыми вопросами и т.д. Практика показывает, что политический дискурс проявляется в двух тональностях: в положительной – убеждение, внушение, аргументация и в негативной – соблазн, манипулирование, устрашение санкциями. Первая тональность публичных высказываний представителей власти видится сегодня приоритетной. Эффективность политического дискурса усиливается, если он носит не столько властно-воздействующий, сколько убеждающий характер.

Таким образом, ценностно-нормативные основания современного политического дискурса следует искать в первую очередь в плоскости правильно выстроенных коммуникаций. Легитимность, согласование интересов, публичность, интерактивность, самоответственность каждого участника коммуникаций – все это в своем единстве может иметь результативный эффект и совершенствовать политико-правовую сферу любого государства и наднациональных объединений.

Список литературы

1. Арендт Х. О насилии / пер. с нем. Г.М. Дашевского. М.: Новое изд-во, 1969. 60 с.
2. Арендт Х. Ответственность и суждение / 2-е изд., испр. М.: Изд-во института Гайдара, 2013. 352 с.
3. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / пер. с англ. И. Тюриной. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
4. Дейк ван Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и власти / 2-е изд. М.: УРСС: Книжный жом «ЛИБРОКОМ», 2015. 352 с.
5. Ледаев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ВШЭ, 2012. 310 с.

6. Луман Н. Власть / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Практис, 2001. 256 с.

POLITICAL AND LEGAL CONDITIONS OF SOCIAL EFFICIENCY: VALUE GROUNDS

S.S. Burukhin

Tver State Technical University, Tver

Current political and legal conditions of social efficiency are considered. To better understand the problem, the author turns to the key theories of power: power and violence (H. Arendt), power and social action (E. Giddens, N. Luhmann), power and discourse (T. van Dyck, V. G. Ledyayev). The analysis of these theorists' views allows to highlight two trends. On the one hand, they reveal the potential for the traditional exercise of power, i.e., governance through social institutions and legal norms. On the other, they help to highlight new, relevant conditions for achieving political and legal effectiveness. It is concluded that the priority value-normative basis of contemporary political discourse implies the synthesis of the following components: legitimacy, coordination of interests, publicity, interactivity and self-responsibility of all participants in communications.

Keywords: social efficiency, political and legal sphere, value, discourse.

Об авторе:

БУРУХИН Святослав Сергеевич – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: sviatoslav_sb@mail.ru

Author information:

BURUKHIN Sviatoslav Sergeevich – PhD student of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: sviatoslav_sb@mail.ru